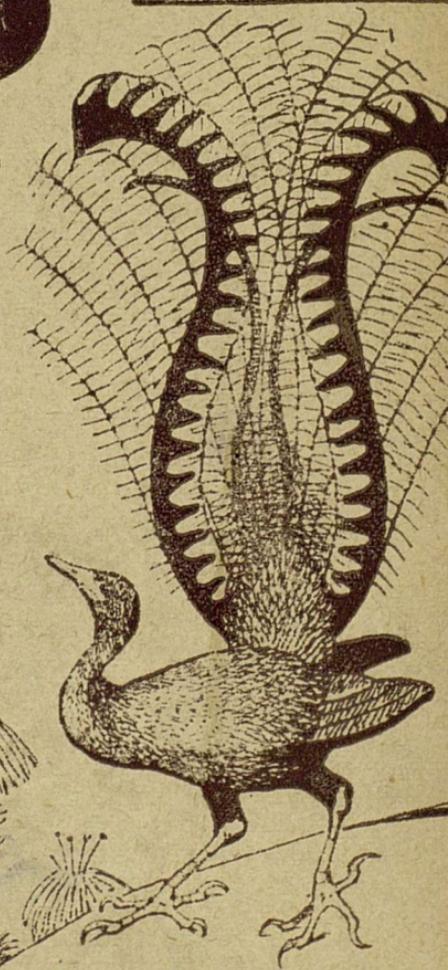

В
4349

А·ЧЕГЛОК

ЭМУ

ПО АВСТРАЛИИ

(РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ПТИЦ)

ИЗД-ВО „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“ МОСКВА - 1925 - ЛЕНИНГРАД

jam

4-349

№ 325

Э М У

БИБЛИОТЕКА
Государственного музея
ДЕТСКИЕ КНИГИ

668845 Кх-рег

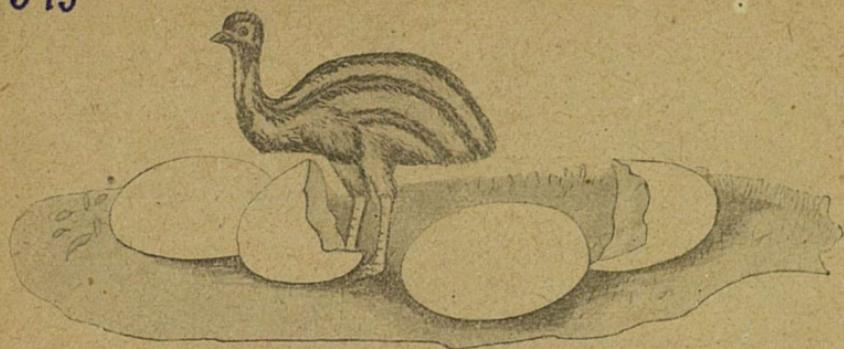
Российская государственная
детская библиотека

~~41037 1957-58 г.~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТНЦА~~

(Главлит № 25394—Москва). Зак. № 2026. Тираж 5000 экз.

Мосполиграф—10-я тип. „Заря Коммунизма“. Чистые пруды, д. 8.

„Э му“

— Я предлагаю джентльменам выбрать место для ночлега. Через полчаса уже не будет солнца, а правительство западных штатов не позаботилось поставить на нашем пути электрические фонари. Почтенные джентльмены, выразим за это ему порицание, а затем приступим к тем же делам. Кто согласен со мной, что после одиннадцатичасовой ходьбы наши ноги заслужили отдых.

— Да, конечно, пора. Здесь на песке мягче спать, — раздался голоса?

— Присоединяю и свой голос к согласным, а для несогласных замечу, что я не люблю темноты ни в чем, равно как и темных дел.

— Bravo, Депутат, ловко сказано! — воскликнул Боцман, снимая свою котомку на

землю. Его примеру последовали остальные. И все пять человек опустились на землю.

У всех потянулись руки к фляжкам, и сухие губы жадно припали к воде. Долго слышалось бульканье.

Первым оторвался Депутат.

— Этак можно пить, пока не лопнешь!— воскликнул он. — Почтенные джентльмены, не забывайте, что в желудке разума нет. Я вижу, что ваши головы еще на плечах у вас. Помните, что здесь вода дороже золота, и берегите ее. Не забывайте, что в этих золотосных местах поят подчас лошадей вместо воды шампанским...

Слова подействовали, и остальные спутники медленно, с сожалением, отрывались от фляг, отирая свои губы.

— Я бы предложил, пока еще светло, поесть хорошенько, чтобы в темноте не проглотить змею вместо колбасы.

— А их здесь много? Боюсь я их. Целую ночь спать не буду,— воскликнул Серый, прозванный так за свой костюм.

— Вот и прекрасно, — сказал Депутат. — Я бы попросил у почтенной компании на пять минут внимания. Есть еще неотложное дело. Все мы несем из рудников малую толику презренного металла. Аппетит к деньгам никогда не удовлетворяется, и чем больше человек имеет, тем более становится он жадным и порочным. Известно, что этот голод порождает у человека особое чувство — чувство зависти. Это чувство очень опасное. Мы знаем, к каким кровавым сценам оно приводило зачастую на рудниках. Теперь же я думаю, что каждый из нас будет засыпать с опаской и с мыслью, что товарищи во время сна, в силу зависти, могут похитить не только кошелек, но и жизнь. Можно не спать одну ночь, но нам предстоит провести 8-10 ночей в пустыне, и ни один из нас не может выдержать их без сна. Как же быть, джентльмены? Быть может, кто-нибудь из вас придумал что-либо для того, чтобы не развивать зависть у ближнего до такого предела, когда она станет опасной...

— У нас есть револьверы, — буркнул Старик, прозванный так за свою молодость.

— Кто крепко спит, — возразил Депутат, — тот безоружен.

— Тогда на ночь отобрать у всех револьверы, — предложил Старик.

— И отдать их вам на хранение? — добавил Депутат.

— Ха, ха, ха! — захохотал Боцман.

— Да-с, этот вопрос решается не так просто. А всем нам известно, что многие люди, которые ленились шевелить мозгами, теряли свои головы в этой пустыне, — продолжал Депутат.

— Э, чего там решать, — махнул рукой Музыкант. — У нас у всех денег не так много, чтобы кто-либо из нас решился убить четверых. И пошли-то мы в компании, чтобы быть в безопасности...

— Это верно, однако я все таки сомневаюсь, чтобы вы, лежась спать, не беспокоились за свою жизнь и не подозревали бы остальных четверых в злых умыслах.

— Депутат говорит правду,—подтвердил Серый.—Нужно что-нибудь придумать, чтобы быть покойным во время сна.

— Уж если придумать, так это нужно поручить Депутату, а я на это не мастер,—пробурчал Боцман.

— Да, да, я тоже со своей стороны отказываюсь придумать что-либо!—воскликнул Музыкант.

— У него, наверное, десятка два проектов разных есть. Говорите лучше сразу, а мы обсудим,—сказал Серый, обращаясь к Депутату.

— Вы не ошиблись. У меня полна голова проектами об общественной безопасности. И без скромности могу сказать, что Западные Штаты Австралии очень много теряют от того, что не видят меня сидящим на депутатском кресле в парламенте,—сказал с торжественностью Депутат.

— Не огорчайтесь. Как приедем в Перт, так мы все заявим, что желаем видеть вас депутатом,—сказал Серый.

— А что ж, наш Депутат за словом в карман не полезет,—буркнул Бецман.

— Рассказывайте, что придумали,—обратился Музыкант к Депутату.

— Думал я много и долго. Мне известны многие способы, к которым прибегают путешественники, но все они никуда не годятся. Мой же способ очень простой и вполне надежный. Нужно сделать так, чтобы никто не знал, где находятся деньги.

— Что же, выкинуть их вон?—спросил Старик.

— Нечто в этом роде. Слушайте. Мы все каждый вечер отдаем свое золото поочередно друг другу. Казначей должен спрятать или закопать эти деньги в надежном месте. Значит, кроме него, никто не будет знать, где находятся деньги, и все мы, а также и он, можем спать спокойно до утра.

— А если казначей вздумает убежать с нашими деньгами?—спросил Серый.

— Я предвидел это возражение и отвечаю на него тем, что пока мы не заснули, он этого не сделает, а ночью—я поручусь голо-

вой, что только черный может что либо разыскать в пустыне.

— Да, это верно, — подтвердил Боцман. — В проклятой пустыне днем и то легко сбиться с дороги, а найти мешочки с золотом ночью на расстоянии 30 — 40 шагов немислимо.

— У меня есть дополнение к проекту. Для большего спокойствия мы выберем еще одного человека, который будет наблюдать за нашим сном и за тем, чтобы казначея не обуюли порочные мысли.

— Bravo, Депутат! Гениальная голова у вас. Как хорошо придумано!

— Старик, вот мои деньги, — сказал Боцман, подавая кожаный мешочек.

— Да, проект ваш очень хорош, — подтвердил Музыкант.

— Коли согласны, тогда возьмите и мои деньги, — сказал Депутат, подавая Старикау свой мешочек.

Последними подали Музыкант и Серый. Они находили, что придумано хорошо, но все же руки их как-то очень долго расстигивали пуговицы жилетов и рубашек, чтобы

достать привешенные на груди маленькие мешочки с горсточкой золотых монет, ради которых они несли каторжный труд под землею в течение целого года...

Так же растерянно стоял и Старик, держа в руках мешочки с золотом.

Он не сразу мог понять, как Боцман, всю гениальность проекта Депутата.

Но вот Музыкант и Серый передали ему свое золото.

— Я дам вам платок, вы завернете в него все деньги. Да достаньте же и свое золото,— добавил Депутат и переложил четыре мешочка в свой платок.

Старик неохотно и долго доставал свое сокровище, спрятанное у него на животе...

— Хе, хе, хе, у вас золото спрятано еще глубже, чем в земле,— усмехнулся Боцман.

— Да уж чтобы не потерять,— с жалкой улыбкой ответил Старик, смотря, как бесцеремонно обращается Депутат с мешочками и тискает их в своих руках.

Мешочки были туго связаны в платок.

— Вот, господин казначей,— с важностью произнес Депутат,— мы на эту ночь поручаем вам наши сокровища. Спрячьте их хорошенько, а главное,— запомните место, чтобы завтра найти их опять. Лучше всего закопайте их в песок: так надежнее будет,— напутствовал Депутат уходящего Старика.

Старик отошел шагов сорок, зашел за бугорок, осмотрел внимательно вокруг себя, разгреб в песке небольшую ямочку и положил туда золото.

Затем тщательно заровнял ямочку и, не довольствуясь этим, начал, пятясь назад, уничтожать свои следы.

На душе у него было тяжело. Ему казалось, что, зарывая золото, он вместе с ним зарывал и свою жизнь. Все планы, вся будущая жизнь, все радости перешли у него давно в 130 золотых кружочков (1.300 руб.). Нет, теперь он не будет спать всю ночь. Он не может быть покоен, когда его золото не давит ему живот.

— Эх, отчего он не вынул своего мешочка и не взял с собою! Ведь завтра не кто другой, как он, придет брать этот платок.

— Поручили песку наше богатство?— приветствовал Депутат возвратившегося Старика.

— Да, сделано,— ответил Старик.

— И прекрасно. Как раз во время. От солнца остался только маленький краешек. Сейчас наступит темнота, и мы можем спокойно заснуть. Теперь, джентльмены, я предлагаю выбрать на половину ночи мистера Серого в охранители нашего покоя. Он сказал, что не будет спать всю ночь, из боязни змей.

— Я согласен. Для меня лучше теперь сторожить, чем завтра. Завтра я, может быть, буду спать,— ответил Серый.

— Хорошо. А остальную половину ночи будем караулить Музыкант, Боцман и я. Мистер Музыкант, не сыграете ли вы нам что-нибудь, чтобы мы хорошие сны видели?— обратился Депутат к Музыканту.

— Что же, можно,— ответил тот, полез в сумку, достал завернутый в платок кларнет, и скоро густые, яркие звуки этого красивого инструмента огласили на далекое пространство молчаливую пустыню.

Песчаный бугор скрыл солнце, и после его ослепительных лучей все неровности почвы заволоклись густыми синими тенями.

Золотистые, красные лучи раскинулись по небосклону и розоватым налетом покрыли вершины бугорков.

Но это продолжалось недолго: синие тени сгущались, поднимались наверх и с'едали красивый алый налет прощальных лучей золотого солнца.

Черный мрак окутывал пустыню, и лишь на небе потухающая заря играла переливами своих цветов.

Вдруг на высокой крикливой ноте игра на кларнете прервалась.

Наступила глубокая тишина.

Этот переход к тишине был слишком неожиданным для ушей.

— Ну, что же? Дальше! Кончайте, — раздался голоса, в которых слышны были капризные нотки.

— Не играетя что-то, — ответил Музыкант. — Не то на душе, — и он начал укладывать свой кларнет.

— А я целую ночь мог бы слушать! — воскликнул Старик.

— А я бы заснуть не мог тогда. Эта дудка так и сверлит в ушах. Чего она так играет, — точно плачет. Терпеть не могу плаксивого, — недовольным тоном сказал Боцман.

— Нет, Музыкант играл грустное, а не плаксивое, — возразил Старик.

— Да, но, действительно, теперь следовало бы сыграть что-либо повеселее. И без музыки пустыня тоску нагоняет, — сказал Серый.

— А я присоединяю свой голос к Старик. Я тоже хотел бы слушать музыку хоть целую ночь. Таким образом, все теперь зависит от Музыканта. Два голоса за, два против.

— Нет, я не против музыки, а только чтобы не такое грустное. Жутко тут как-то в пустыне, — пояснил Серый.

— К курятнику своему привыкли, а на чистом воздухе, на просторе скверно, — насмешливо произнес Боцман.

— Непривычно как-то тут, — извиняясь за свое чувство, ответил Серый.

— Это только первую, вторую ночь, а потом привыкнете, — сказал депутат. — Мне так все равно: в доме или здесь. Плохо спалось бы, если бы деньги со мной были, а теперь и бояться нечего и подозревать некого. Покойной ночи, джентльмены. Советую всем спать хорошо, чтобы на завтрашний день быть бодрыми. В 12 часов разбудите меня, Серый, я буду остальную часть ночи караулить.

— Нет, эту ночь я хочу караулить, — сказал неожиданно Музыкант.

— Ну что же, вы, так вы, — охотно согласился Депутат, — мне все равно.

И молчание воцарилось среди маленького лагеря.

Все, кроме Серого, вытянулись во всю длину, а он, из боязни, чтобы как-нибудь не вздремнуть, широко раскрыл глаза и смотрел в окружающую темноту.

Было тихо кругом.

В Австралийской пустыне еще меньше жизни, чем в Африканской Сахаре, где есть оазисы, вокруг которых ютятся как птицы, так и звери.

В Австралии нет оазисов, нет финиковых пальм, которые доставляют пропитание жителям пустыни.

Австралийская пустыня еще более безводна, чем Сахара, и чем глубже проникать в нее, тем меньше животных можно встретить в ней.

Дикари предпочитают селиться возле морских берегов, где воздух влажнее и растительности больше.

Лишь белые в погоне за наживой рыскают по пустыне, шарят во всех закоулках, вдоль высоких ручьев, оврагов, каменных обрывов, с надеждой найти золото или драгоценные камни.

Жадность к богатству пересиливает у людей страх...

Много их погибло от жажды, голода; много смельчаков заблудилось и потеряло свою жизнь, но это не останавливало других от еще более рискованных поисков.

Открытие золотоносных мест в глубине пустыни в Западной Австралии стало притягивать туда много людей.

Одни шли, рассчитывая сразу найти огромной величины золотые слитки; другие надеялись на постепенное обогащение; третьи рассчитывали на хороший заработок, чтобы, накопив немного денег, взять землю и начать хозяйствовать.

Но редко, редко кому удавалось их намерение.

Вместе с приобретением золота начинали изменяться привычки их и желания.

Те, кто легко добывал золото, так же легко и спускал его на кутежи и карты, надеясь вновь на свое счастье.

Трудно было устоять от вина и карт даже более рассудительным; а бесшабашная жизнь действовала и на самых скромных.

Только очень сильные и стойкие сохраняли себя.

Но другого рода опасности грозили таким людям.

Их подкарауливали в пустыне и убивали, чтобы отобрать заработанное ими золото.

Во избежание таких нападений составлялись компании по несколько человек.

Однако, и с компаниями не всегда обстояло благополучно.

В самой же компании иногда находились два-три негодяя, которые убивали остальных.

Депутат хорошо придумал, как избавиться от взаимного подозрения и приобрести спокойствие для сна.

Чем больше думали об этом Музыкант, Старик и Серый, тем больше находили они его выдумку хорошей.

Храп Бодмана и Депутата только подтверждал это.

Люди покойны за свои деньги, стало быть, и они должны быть тоже покойны.

Все же плохо прошла для них первая ночь. Серого сменил среди ночи Музыкант, но оказалось, что он и раньше не спал. Также вышло и с Серым после смены. Он забывался лишь на несколько минут и затем вздрагивал и просыпался.

Старик держал в руке револьвер и лишь погрузался в чуткую дремоту.

Длинной и скучной казалась им ночь, и с нетерпением ожидали они рассвета.

На рассвете проснулись Депутат и Бодман.

Депутат сейчас же взял командование над компанией. Никто не просил его быть их командиром. Вышло это само собой.

Он оказался человеком бывалым, более знающим, а главное—в нем все чувствовали сильную волю—драгоценное качество человека, с помощью которого можно подчинить себе все и всех.

— Мистер казначей, потрудитесь принести наш золотой запас!—воскликнул он.— Кажется, никто уж не спит.

Старик принес платок и передал ему. Депутат вынул мешочки и роздал своим спутникам.

— Как находите, джентльмены, нужно ли проверять, или каждый по весу знает, сколько у него имеется.

— Для меня было бы лучше, если бы проверили,—сказал Старик.

— Зачем, к чему? Не надо,—раздались голоса, и мешочки опять скрылись в потайные карманы их владельцев...

Опять по команде Депутата вскинулись на плечи котомки, и маленькая компания зашагала по красному песку, то взбираясь на холмы, то прячась во впадинах.

Депутат говорил, что он уже два раза ходил по этой дороге, и там, где не было заметно никаких следов, он вынимал компас и с помощью его шел на юго-запад.

Вечером Депутат предложил зарыть золото Боцману, а сторожить должны были он и Старик.

Опять, как и в первую ночь, Музыканта, Старика и Серого сосала тоска, когда они клали свое золото в платок Депутата, но уж совсем не так сильно, как в первую ночь. За день они еще больше оценили преимущества способа хранения денег в земле, а не на себе.

Музыкант в эту ночь хорошо задремал, а Серый даже всхрапывал.

Старика же Депутат убедил, что ему непременно нужно хорошо выспаться, чтобы не клевать носом, когда придется караулить вторую половину ночи. И он заснул спокойно. Депутат обещал его разбудить.

Два дня ходьбы по пустыне и целая ночь без сна порядочно измучили трех боязливых и робких людей, и они в эту ночь не думали ни о змеях, ни о постелях. И песчаная постель оказалась достаточно хороша, чтобы погрузить их в глубокий сон.

Этого-то и нужно было Депутату с Боцманом.

Когда Депутат убедился, что Музыкант, Серый и Старик спят, он спокойно встал и пошел в темноту.

Он только слегка при этом задел ногу Боцмана.

Через две—три минуты Боцман начал осторожно ползти, и когда отполз несколько шагов, встал и пошел скорым шагом прочь, держа наготове револьвер.

Лишь час спустя после их ухода проснулся Музыкант.

— Депутат, вы заснули?—спросил он.

Ответа не последовало.

— Депутат!—говорил он громче.—Депутат!

— Что такое? — спросил Серый.

— Да наш сторож заснул крепче нас,—
ответил Музыкант.

— Вот так сторож! Мало беспокоится о нас.
Хотя, впрочем, в такую темень, кто может
открыть нас!

— Так что ж, по-вашему, не нужно и
будить его?—спросил Музыкант.

— Нет, отчего же, пускай исполняет до-
бросовестно свои обязанности. В этой ужасной
пустыне нужно ожидать всякой гадости,—
ответил Серый.

— Какой гадости?—пробормотал, просы-
паясь, Старик.—Про что это вы толкуете?

— Депутат заснул на часах,—ответил Му-
зыкант.—Депутат, а Депутат!

Отклика не было.

—Нужно растолкать его. Как крепко они
умеют спать с Боцманом. Вот молодцы-то,—
позавидовал Старик.

— Зажгите спичку, Музыкант, и растол-
кайте его,—предложил Серый.

Вспыхнула спичка. Все трое поднялись и стали искать глазами Депутата.

— Депутат, да куда же вы девались? Отзовитесь же, наконец!—с тревогой в голосе произнес Музыкант.

— Бодмана тоже нет!—воскликнул Старик.

— Он был нашим казначеем!—вырвалось у Серого.

Молнией пронеслась у Музыканта ужасная мысль, и он воскликнул:

— Мы покинуты, покинуты!

— И обокрадены! Обокрадены!—с безнадёжным отчаянием простонал Серый.

— Как!.. Не может быть! Нет, это невозможно. Невозможно. Депутат! Депутат!—зарорал во все горло Старик.

— Деньги, мои деньги!—зарыдал Музыкант и упал на песок.

— В погоню, в погоню за ними! Мы заставим их вернуть наши деньги. Нас трое, не нужно терять ни минуты!—с воодушевлением кричал Старик.

— Вы знаете, в какую сторону они пошли?

Вы сумеете отыскать их в этой темноте?— спросил Серый.

— Ну, так дождемся утра.

— До утра! До утра они...—и Серый заплакал, не докончив фразы.

— Значит, наши деньги пропали. Совсем пропали. Мы их не найдем,—и не получив никакого ответа, Старик начал всхлипывать.

По-разному изливали в слезах свое горе трое мужчин в пустыне.

Музыкант рыдал громко и порою даже всхлипывал. Серый плакал молча, и только обилие слез указывало на глубину его страдания. Старик плакал, как наказанный ребенок, с судорожными всхлипываниями.

В красный сухой песок пустыни падали горячие слезы обманутых, и вместе с этими слезами хоронились все надежды на лучшую жизнь, вскормленные глубоко во мраке шахт во время изнурительной работы.

С каждым ударом кирки, с каждым часом, с каждым днем, проведенным под землею, крепла надежда на избавление от этой ужасной работы и от еще более ужасной жизни

среди бесшабашного, потерявшего себя, народа.

И вот они свободны. Они покинули шахты, они имеют деньги, чтобы начать другую жизнь. Тоже трудовую жизнь, но более разумную, чем постоянное лихорадочное искаание золотых крупинок в недрах земли.

И теперь, когда их надежды готовы были осуществиться, когда через пять—шесть дней они могли бы выйти из пустыни,—они оказались обворованными и покинутыми.

Сначала они страдали только от потери денег, но потом в их душу стало закрадываться другое горе, еще более страшное, чем первое. Дорогу знал только Депутат.

Он же отсоветовал им покупать компасы, так как он имел хороший компас.

Теперь они были и без Депутата и без компаса.

Итти к городу без компаса было невысказано. До него оставалось еще до 200 верст, а если они собьются хоть один раз и не попадут на станцию, то погибнут от жажды и голода.

Поворачивать назад к рудникам, чтобы лезть опять в землю? Одно представление о кадке, в которой они спускались в темную дыру, вызывало у них содрогание...

Их встретят с насмешками, с презрением, как будто они украли или сами сделались негодьями, а воров при них же начнут хвалить за ловкость.

С первыми лучами солнца Старик начал рассматривать следы Депутата и Боцмана и воскликнул:

— Вот, вот, я нашел! Смотрите, они пошли сюда.

И Серый и Музыкант вскочили и подбежали к Старику, точно он извещал их о находке денег.

— Пойдемте, пойдемте за ними. Мы должны их найти. Мы их настигнем. Я вижу их следы, — воскликнул Старик, становясь на колени.

Но к Серому вернулась его рассудительность.

— Да, достигнем, ползая на коленях, — сказал он с горькой усмешкой. — Они уже за

двадцать километров ушли, а мы начнем теперь, как черепахи, ползти за ними. Если бы у нас были компасы, и мы знали дорогу, тогда могли бы рискнуть пойти за ними, а теперь нужно сделать попытку вернуться опять на рудники. За два дня мы не могли больше 60 километров отойти от них. Притти туда у нас все-таки есть надежда, а про город нужно забыть,—и Серый махнул рукой.

— А деньги, как же наши деньги! — воскликнул Старик.

— О, будьте покойны, наши деньги они не потеряют и в сохранности донесут до города. А там, вероятно, они сядут на пароход и уедут в Аделаиду, Мельбурн или Сидней, чтобы не иметь удовольствия встретиться когда-нибудь с нами.

— Так вы отказываетесь идти за ними? — с возбуждением спросил Старик. Но вместо ответа Серый спросил Музыканта:

— А как вы думаете?

— Что ж тут думать. Нужно к рудникам поворачивать,—ответил тот, безнадежно махнув рукою.

— Тогда я один пойду. Я вижу, что вам не жалко ваших денег, а я не хочу отдавать их мерзавцам. Я не хочу опять превращаться в крота и жить под землей. Я хочу жить на воздухе, как все люди. Прощайте. Я пойду один,—сказал решительно Старик.

— Погодите немного,—остановил его Серый.—Скажите, сколько осталось у нас воды?

— Стакана три,—ответил тот.

— И вы думаете итти их отыскивать? Этого на день не хватит. Если мы отправимся на рудники, и то нам завтра придется целый день томиться от жажды. Пойдемте с нами. Авось, как-нибудь до рудников дотащимся. Все-таки лучше деньги потерять, чем погибнуть в этой пустыне. Будем вместе до конца мыкать горе,—сказал Серый, ласково хлопая по плечу Старика.

Старик покорно взвалил на плечи свою котомку и поплелся вслед за ними.

Сначала шли по следам, но скоро грунт сделался твердым, и следы исчезли.

Шли на северо-восток. Шли молча, каждый—углубленный в свои думы и потрясенный всем происшедшим.

И так, молча, сосредоточенные в себе, они шли до наступления полуденной жары.

Тут только они вспомнили, что с утра ничего не ели, но и теперь пища не возбуждала у них аппетита.

Хотелось только пить, а воды оставалось так мало, что и до вечера могло не хватить.

Следующий день предстояло обходиться совсем без питья. Но хорошо, если они придут на рудники к вечеру. А если нет? Что, если они отклонились куда-либо в сторону.

Утром им казалось ужасным итти на рудники, а теперь еще более ужасной казалась мысль о том, что они могут не притти на рудники.

Вечером были выпиты последние остатки воды. Вместе с отдыхом возобновились разговоры о Депутате и Боцмане. Теперь все трое утверждали, что они казались им очень подозрительными. Вспоминали, что и на руд-

никах про них не особенно одобрительно отзывались...

— Когда мы заработаем еще денег и пойдем в город, то мы не будем отдавать их одному человеку, — сказал Музыкант. — Депутат хорошо придумал прятать деньги, только нужно, чтобы не один, а каждый зарывал свои деньги на ночь. Тогда и сторожа ставить не нужно и спать можно будет всем спокойно.

— Жалко, что эта мысль не пришла вам в голову днем раньше, тогда мы не потеряли бы наших денег, — усмехнулся Серый.

— Э, неизвестно, что тогда бы с нами случилось, — возразил Старик. — Теперь мы хоть живы, а тогда, может быть, они днем всадили бы нам в спину пули.

— Старик говорит правду. Дурной человек на все способен. Все-таки для нас лучше деньги потерять, чем жизнь, — подтвердил Серый.

— Что же, — воскликнул Музыкант, — поблагодарим их за это благодеяние!

— Не в этом дело,—возразил Серый,— а в том, что нам нечего еще приходить в отчаяние. Через год у нас опять будут деньги, но мы уже тогда дождемся большой партии, чтобы совершить переход через пустыню вполне безопасно.

— Прожить еще год под землей—дело не шуточное,—заметил Музыкант.—Моя жена и дети ждут, когда я смогу им послать денег на проезд сюда. А теперь дело все откладывается и откладывается.

— У меня тоже есть дети; и жили мы ничего-себе, да захотелось, чтобы они и после смерти моей что-нибудь имели. Думал, что это будет просто, а оказывается—с деньгами не знаешь, где ступить. Когда у нашего рабочего человека деньги заведутся, так точно вокруг него болото какое образуется, и вязнешь в нем, как в тине.

— Это вы верно. Нет денег, и спокойно на душе; а как начал я откладывать и на поясе их таскать—неспокойно жить стало. Так и мерещится, что кто-нибудь их украдет,—как бы извиняясь, сказал Старик.

— Хорошо бы всем жилось, если бы денег совсем не было,—проговорил Музыкант.

— Да, но это пока невозможно,—возразил Серый.

Тем временем Музыкант достал кларнет и заиграл.

Играл он и в этот раз грустное, еще более грустное, чем в первый раз.

Жалобно, наперебой плакали высокие ноты, судорожно захлебывались средние регистры, и густо, широко, как широко само горе человеческое, расходились по мрачной пустыне басовые звуки кларнета...

Никто не прерывал Музыканта. С этими звуками в мрак пустыни вытекало их горе, и наболевшей душе становилось легче.

Затихла музыка, и долго все трое сидели молча.

Наконец, Старик не выдержал:

— Хорошо вы играете. Что бы я дал, чтобы научиться так же играть, как вы! Да, музыка дело хорошее. Не языком, а сердцем она говорит. Слов нет, а все понятно, так и льется в душу.

— Поиграли вы, и на душе стало легче, — сказал Серый.

Музыкант молчал. Он лежал, вытянувшись навзничь, и внимательно смотрел на мириады мерцающих звезд южного полушария.

Серый сказал правду: после музыки всем стало легче, и они заснули крепким, спокойным сном, не задумываясь о завтрашнем дне.

А день принес им новое горе, еще более ужасное, чем потеря денег.

К вечеру они окончательно убедились, что заблудились.

Перед ними даже не было прежней каменистой пустыни, а расстилалась гладкая солончаковая степь с жесткими травами...

Для них начались мучения жажды. Они не могли жевать сухой хлеб. Они хорошо знали, что без питья и пищи силы быстро истощаются. Не принесла им успокоения и ночь. Жажда мешала сну, и они только охали по временам, с нетерпением ожидая дня; на рассвете Серый предложил разойтись так далеко, чтобы только не потерять друг друга из виду.

Может быть, тогда крайнему легче будет заметить приисковые постройки.

Старик и Музыкант согласились.

Серый, хотя и был так же неопытен, как в его товарищи, в странствиях по пустыне, но все же не потерял голову и думал о том, куда они могли уклониться.

Он решил, что ошибка может быть только в две стороны: или направо или налево, так как они шли от приисков на юго-запад два дня и столько же шли обратно на северо-восток. Поэтому теперь им нужно идти или прямо на север, или прямо на юг.

В лучшем случае, направляясь, предположим, к югу, они могут найти прииски сегодня до полудня. А если нет, то к вечеру нужно вернуться сюда же обратно, и завтра идти на север; тогда они уж наверно придут к приискам.

Пошли на юг: им казалось, что солончаки должны быть на севере. Они не видели их, когда шли с Боцманом и Депутатом.

Шли медленно, с трудом передвигая ноги. К 8 часам утра сделали друг другу знаки

отдыха. Жажда изнуряла их все сильнее. Сил оставалось совсем мало. Им казалось, что еще несколько минут, и они упадут с тем, чтобы уже не подняться больше.

С невероятным трудом, еле-еле волоча ноги, они опять поплелись, напрягая усталые глаза и силясь заметить на горизонте присутствие человеческого жилья.

Вдруг Старик встрепенулся. Он ясно увидел человека. Эта картина точно влила в него новые силы.

Он замахал своим товарищам и быстрыми шагами поспешил к человеку. Но человек как будто сел на землю.

Старик не спускал глаз с того места и шел прямо туда.

Человек опять поднялся, но слезящимися от напряжения глазами Старик рассмотрел, что это был не человек, а эму.

Эму или австралийский страус,—одна из замечательных птиц Австралии.

Он лишь немного меньше африканского страуса. Высота его достигает сажени. Ноги у него короче, чем у африканского страуса.

но все-таки высокие, и бегают эму очень быстро. На ногах у него по три пальца, а не по два, как у африканского.

Эму так же, как и африканский страус, живет в открытых равнинах, избегая даже редких высоких деревьев.

Людские селения близ берегов и преследования оттеснили эму в глубь страны, в самые сухие, безводные места.

Но на пищу эму не прихотлив. Он питается травой, сухими зернами, кореньями, не брезгует и насекомыми, а при случае спроводит в свой желудок и ящериц или змей.

Эму отличается от африканского страуса еще и тем, что и самец и самка носят одинаково скромное бурое оперение.

У эму и в помине нет прекрасных белых и черных перьев, составляющих главную красоту африканского страуса и гордость тех людей, которые втыкают их себе в шляпы.

Самец эму гораздо меньше, слабее и невзрачнее самки.

У африканского страуса крылья хотя и малы, но все же видны, а у эму их нельзя

даже заметить в общем рыхлом оперении; точно так же не выделяются у эму и хвостовые перья.

Все тело эму покрыто длинными, узкими и очень гибкими перышками. Впадины, выпуклости,—все скрыто под ними, и туло-

вище эму—это какой-то обрубок, сделанный грубо, топорно.

Верхняя часть шеи и головы у эму голая; кожа—серовато-зеленого цвета.

Старик готов был плакать от досады на свою ошибку.

Эму, подпустив его шагов на пятьсот, отбежал немного в сторону и опять присел, потом отбежал еще, остановился и начал смотреть на Старика.

Старик же шел к тому месту, где он в первый раз заметил эму.

К нему уже приближались Серый и Музыкант.

— Я напрасно побеспокоил вас. Мне показалось, что я заметил человека на этом месте, но это оказался не человек, а эму. Несколько минут была надежда на спасение, но и она исчезла. Мы погибнем в этой пустыне!

— О, хоть бы один глоток воды,—пробормотал Музыкант, опускаясь на песок.— У меня язык распух, и я не могу говорить. Весь рот горит. Я больше не в силах идти. Я останусь здесь умирать.

— Мужество, друзья, мужество,— твердо сказал Серый. — Зачем звать смерть раньше времени? Не беспокойтесь, она сама знает свое время и не пропустит его; поэтому будьте тверды и не теряйте надежды. То, что Старик увидел эму, указывает, что где-нибудь есть вода. Птицы не могут жить без воды. Отдохнем здесь, и двинемся дальше. Авось к вечеру, если не на прииски, то на крик ¹⁾ набредем. А там в какой-нибудь яме, наверно, найдем воду.

— Нет,— возразил Старик,— мне говорили, что эму живет в самых сухих местах. Никто не видел, чтобы эму когда-нибудь пил, а когда самец садится высидывать яйца, то говорят, что он два месяца сидит на них и не сходит с гнезда, пока не выведутся детеныши.

— Вот, если бы нам удалось найти яйца! Мы и напились бы и наелись ими! — воскликнул Серый.

— Пойдите, Серый, вы подали хорошую

¹⁾ Так называются в Австралии сухие русла рек и ручьев.

мысль. Теперь у нас начало сентября ¹⁾, значит, первый весенний месяц. У эму должны быть яйца. Давайте искать хорошенько. Мне сдается, что этот эму сидел на яйцах. Иначе, зачем было бы ему несколько раз приседать на землю! Пойдемте искать. Я видел его в первый раз возле этого бугорка. — И с этими словами Старик устремился к бугру.

— Нашел, нашел! Вот они, вот! — закричал он, увидев почти совсем засыпанные песком темнозеленые кусочки скорлупок.

Музыкант и Серый устремились к нему.

— Bravo, bravo, Старик, теперь мы спасены! — воскликнул Серый, принимаясь в свою очередь раскапывать яйца.

— Как их много! Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, — считал Старик.

— Я потом буду раскапывать, а сейчас выпью одно, — сказал Музыкант, и дрожащими от слабости руками начал расколачивать яйцо.

¹⁾ Австралия находится в южном полушарии, и поэтому там лето, когда у нас зима, и весна, когда у нас осень.

Но скорлупа была очень твердая, а камешек маленький.

— Погодите, это лучше всего сделать ножом, а камнем — если вам и удастся разбить, то половина яйца, наверно, прольется. — И с этими словами Серый достал нож и ударами острей сделал небольшое отверстие на одной стороне, а потом перевернул яйцо и стал продыривлять другое, побольше.

— Вот теперь можете пить; только не закрывайте верхнего отверстия, иначе не будет выливаться, — предупредил Серый Музыканта, видя, как тот судорожно обхватил яйцо обеими руками и поднес ко рту.

Через две — три минуты все трое, запрокинув головы, жадно высасывали яйца эму.

— Ух! — отрываясь, наконец, от яйца, воскликнул Старик. — Эта находка лучше золота. Я сразу чувствую себя бодрее.

— И я тоже. Эти яйца — самый лучший подарок, который могла дать нам пустыня, — подтвердил Серый.

— А я чувствую, что у меня во рту все слиплось, — сказал Музыкант.

— Да, конечно, это не то, что вода,— согласился с ним Серый,—но все же в яйцах много воды, и они нас поддержат.

— Я бы не прочь еще выпить одно,— сказал Музыкант.

— О нет, нет, не делайте этого. Я слышал, что ни есть ни пить на пустой желудок сразу много нельзя. Говорят даже, что люди от этого умирают!— воскликнул Старик.

— Я не слышал про это,—вставил Серый,— но думаю, что Старик прав. Мне кажется, что одно это яйцо будет равняться не меньше, как дюжине куриных яиц. Для первого раза такой завтрак очень сытен.

— Мы дадим Музыканту одно яйцо; когда захочет—он выпьет его. А остальные семь мы с вами понесем. Они довольно тяжелы,— сказал Старик.

— Ну, тогда давайте мне четыре, а себе возьмите три.

— Нет,—возразил Старик,—теперь я освежился и могу нести. Я даже эти скорлупки возьму на память. Они очень красивы.

— Я тоже начинаю чувствовать, что как будто у меня внутри все повеселело, — промолвил Музыкант.

— Вот и отлично. Мы с этой находкой можем смело дня три—четыре просуществовать в пустыне, а за это время мы уж непременно отыщем прииски, — подбодрил себя и своих спутников Серый.

— Да, странно на земле устроено, — сказал задумчиво Музыкант. — Нас ограбили, и мы чуть не умерли, а теперь, чтобы не умереть, мы сами ограбили и радуемся этому.

— Ну, сравнили, — возразил Старик, — люди и птицы!

— А вы думаете, что самке не будет жалко своих яиц — спросил Музыкант.

— Говорят, что самка эму не высиживает яиц? Это делает самец, — ответил Старик.

— Все равно. Вы думаете, что часа через два — три самец не явится сюда, и ему не будет больно смотреть на пустую ямку? Животные тоже чувствуют, как и мы; только слов у них нет таких, чтобы нам сказать, — задумчиво сказал Музыкант.

— Э, полноте! Нашли о чем говорить. Этак и жить нам нельзя. На приисках каждый день по три вола убивают, так что же, из-за них нам каждый день плакать? — сказал Серый, махнув рукой.

— Да я так... мне только в голову пришло, что нам теперь хорошо; а придет эму, и убиваться будет, когда увидит, что все яйца похищены. Когда сам горюешь, тогда и чужое горе близко.

— Ну, все-таки, лучше пускай эму погорюет, чем мы трое погибнем! — воскликнул Старик.

— Говорят, индусы никого не обижают; если змея сына или дочь укусит, и то они не сделают ей никакого зла. С голода умирают, а никогда не убьют животное, чтобы с'есть его, — не унимался Музыкант.

— Пора, пора двигаться, — перебил эти разговоры Серый. — Сначала дело, а потом разговоры. — За ним поднялись Старик и Музыкант, и все трое разошлись опять далеко друг от друга, высматривая на горизонте

человеческое жильё и думая про себя о счастливой находке и несчастном эму.

Музыкант был прав: эму через несколько часов после ухода людей осторожно приблизился к своему гнезду.

Хотя гнездо было раскопано, но эму вошел в ямку и принялся раскидывать песок, точно надеясь, что яйца закопаны глубже.

Потом вышел из нее, обошел вокруг, постоял немного неподвижно, спустился опять в ямку, сел в нее, но сейчас же встал, отряхнулся, и молчаливая пустыня огласилась глухими звуками, напоминающими звуки, если дуть в пустую бутылку.

Затем ограбленный эму начал кидаться в разные стороны, и, наконец, затрусил по песку... прочь от пустого гнезда.

Он знал, куда ему бежать, и к вечеру уже был возле двух самок.

Самки были значительно крупнее его, и оттого казались еще более безобразными.

И тут, при встрече, раздались характерные глухие звуки эму.

Кто может знать, было ли это приветствие или передача несчастья, которое случилось с яйцами!

Трудно представить, что птицы имеют свой собственный язык, которым бы они могли выражать свои чувства так же хорошо и точно, как и люди. Однако несомненно, что и у них есть звуки и движения, которые способны возбуждать у других родствен-

ных им птиц такие же чувства, как и те, которые имеет и хочет передать испытывающий их.

Охотникам хорошо известно, что обыкновенный чибис всегда предупреждает своим криком все болотное население о приближении охотника.

Сорока никогда не упустит случая заявить о лисице всему птичьему миру своим беспрерывным стрекотаньем, а ласточки оповещают отрывистым писком и быстрым полетом о появлении кошки.

Точно так же и эму умеют передавать друг другу сигналы об опасности.

Раньше главными врагами эму были дикари и динго. Дикари подстерегали эму и бросали в них свои удивительные бумеранги¹⁾, которые перебивали им шею или ноги.

Динго (одичавшие собаки) отыскивали эму и часто загоняли их до изнеможения.

¹⁾ Бумеранг — изогнутая узкая и заостренная дощечка, которая при бросании начинает кружиться и, попадая в животное, наносит сильную рану. Если дикарь промахивается, то бумеранг, описывая круг, возвращается назад к тому месту, откуда был брошен.

Но белые почти уничтожили как дикарей, так и собак.

Однако, для эму это оказалось не лучше, а хуже.

Хотя белые не имели недостатка в мясе, как динго или дикари, и сладковатое, жесткое мясо эму им не нравилось, однако они очень усердно охотились за эму, не уступая дикарям в хитростях, а псам—в свирепости.

Нашлось много людей, которые предпринимали охоту за эму на лошади верхом; другие для этой же цели держали стаи собак, которые, в роде динго, загоняли эму; третьи предпочитали дальнобойные винтовки, и хвалились тем, что могли убивать эму из ружья.

Охота на эму скоро стала приятной забавой, и число эму уменьшилось очень сильно.

Уже через несколько десятков лет после открытия Австралии знаменитый английский ученый Гульд взывал к австралийцам о пощаде эму и о сохранении этих птиц от полного уничтожения.

Но невежественные колонисты думали больше об удовольствии охоты, чем об охране зверей и птиц.

Попутно с убийством эму шло разорение их гнезд.

Крупные размеры этой птицы, а также и яиц, облегчали нахождение как птиц, так и их гнезд, и этим еще более способствовали уничтожению эму.

В настоящее время эму можно видеть только в самых глухих, малодоступных уголках Австралии или в зоологических садах.

Ученые уже давно начали делать попытки разводить эму в неволе, и эти попытки увенчались успехом не только в Австралии, но даже и в Англии (в Лондоне и других местах).

Наблюдения над пленными эму показали, что высиживание яиц и все заботы воспитания детей берет на себя один самец. На яйцах он сидит около двух месяцев.

Детеныши рождаются другого цвета, чем родители, и изукрашены белыми долевыми полосами.

С возрастом эти полосы пропадают, и полувзрослый птенец уже мало чем отличается от родителей.

В неволе эму—довольно добродушная и не злая птица. Но она не доставляет большого удовольствия ни своей внешностью, ни своими качествами. Это довольно пугливая птица. В ее маленькой головке помещается слишком мало мозгу.

К особому свойству эму нужно отнести его любопытство. Рассказывают, что раньше, когда эму не были напуганы, они сами приближались к охотникам. В зоологических садах они очень часто подходят к зрителям и подолгу смотрят на них.

Вечером, когда путники остановились на ночлег, были выпиты еще три яйца эму. Музыкант опять возобновил было разговор об ограбленном эму, но Старик и Серый сейчас же перенесли этот разговор на ту важность, которую имеют для них эти яйца.

Водянистые яйца (в них воды на четыре пятых) значительно уменьшили их жажду и дали им хороший сон.

Заснули они с полной надеждой, что завтра, когда поднимутся на север, они найдут прииски.

Теперь прииски не казались им такими ужасными, как в первый день пропажи денег.

Даже работу под землей они находили куда лучше, чем эту ужасную ходьбу по пустыне под раскаленными лучами солнца...

Однако, они шли опять целый день, и никому из них не пришлось увидеть человеческого жилья. Вечером последние яйца были выпиты. Наступила самая тяжелая и страшная ночь с неотвязным вопросом: куда завтра итти?

Старик и Музыкант с раздражением и злобой говорили явно несправедливые слова, которые так легко произносятся людьми раздраженными и не умеющими владеть собой.

— Ах, как жалко, что Депутат с Боцманом не прикончили нас сразу! Это было бы гораздо лучше, чем так мучиться, как мы мучаемся теперь,—говорил Музыкант.

— Это показывает только их жестокое сердце. Они хорошо знали, что у нас не хватит ума выбраться ни в город ни к приискам, — вторил Музыканту Старик.

— Да, Серый, дали мы маху. Ваша ошибка будет стоить жизни не только нам, но и вам.

— И зачем я яйца ему нашел! Они только продлили наше мучение, — вздыхал Старик.

Серый молчал. Он чувствовал, что товарищи к нему несправедливы, но, с другой стороны, он видел, что его расчеты не оправдались, и два дня потеряны напрасно.

Но в чем была его ошибка? Он мучительно думал над этим...

Еще меньше он знал теперь, куда им завтра идти.

Не знали этого и его два спутника. И в этом-то и заключалась причина их раздражительности и беспокойства за свою участь.

Бессонная ночь и волнение вызвали в них сильные приступы жажды, которую нечем было утолить.

С рассветом опять поднялись тревожные вопросы: куда идти, какое направление взять?

И в конце концов начали просить Серого, чтобы он что-либо посоветовал, потому что, если они сегодня не дойдут до приисков, то они умрут от жажды.

— Я думаю,—сказал Серый,—ошибка в том, что мы, вероятно, сбились с прямой линии, сделали угол и обогнули прииски с востока. Если бы мы прошли спереди, то-есть с запада, то, наверно, кто-нибудь из нас заметил бы след людей или животных. Значит, теперь нам следует двинуться опять на юг, но слегка держать направление на запад, и мы должны или пересечь дорогу, или увидеть прииски.

Люди с слабой волей всегда легко подчиняются более сильным, а особенно в несчастии, то-есть тогда, когда они чувствуют себя наиболее слабыми.

И поэтому Старик и Музыкант без всяких слов взвалили на плечи свои котомки и молча двинулись по указанию Серого.

Музыкант пошел посредине, а Серый со Стариком, как более выносливые, по бокам. Это утро было самое изнурительное для

всех, особенно же для Музыканта. Он еле-еле перебирал ноги, спотыкался, часто останавливался и наконец в изнеможении сел на землю.

К нему подошли Серый и Старик.

— Я больше не могу идти, я останусь здесь умирать, — сказал он.

— До смерти еще далеко, а до приисков мы сегодня к вечеру дойдем, — сказал Серый; но это несколько не ободрило Музыканта.

Он слабо махнул рукой и еще ниже опустил голову на грудь.

— Идите одни, если еще можете, а я здесь останусь. Не дожидайтесь моей смерти. Идите.

— Зачем? Мы отдохнем, а потом пойдем все вместе. Товарища бросать не годится. Так только звери поступают, — сказал Старик, усаживаясь возле Музыканта.

— Да, конечно, отдохнем. И мы тоже устали не меньше вас, — согласился Серый со словами Старика.

Отдых продолжался час.

Музыкант, хотя и с трудом, но все-таки поднялся и поплелся вперед, — туда, где, по

уверению Серого, они к вечеру найдут воду и отдых.

Еще раз к полудню Музыкант остановился и на этот раз отдыхал часа два. Ни Старик ни Серый не говорили ничего. Сухой язык лишь с трудом ворочался, и сказать слово было так же трудно, как и двигаться.

После этого отдыха Музыканта пришлось поднимать.

Теперь уже не стали расходиться, а взяли Музыканта под руки, и все трое пошли вместе, вглядываясь воспаленными глазами в расплывающуюся и дрожащую линию горизонта.

К вечеру Серый и Старик заметили прямо перед собой приисковые постройки, но ни тот ни другой ни слова не сказали Музыканту, пока не убедились, что перед ними действительно постройки, а не мираж¹⁾.

— Нашли, нашли! — сказал Серый Музыканту. — Через час будем.

¹⁾ Атмосферическое явление, создаваемое преломлением и отражением лучей света так, что предметы, скрытые за горизонтом, становятся видимыми на горизонте или висящими в воздухе, а иногда перевернутыми. Происходит от неравномерной теплоты в различных слоях воздуха.

— Гм...— произнес тот, едва ворочая языком. Трудно было понять: выражал ли этот звук радость или недоверие...

Впрочем, не выражали радости и Серый со Стариком.

Слишком истощены были их организмы, чтобы чувство радости могло вытеснить те жгучие мучения жажды, которые испытывает иногда человек в пустыне.

Вечером все трое достигли завода, где были с нежностью приняты на попечение своими прежними товарищами-рудокопами.

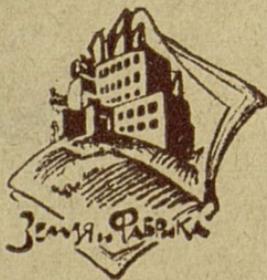
Все трое остались живы: яйца ему спасли их.

6

К

Цена 25 коп.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Кузнецкий мост, д. 13. Тел. 4-82-73.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ:

№ 1—Охотный ряд, 1. Тел. 2-31-78.

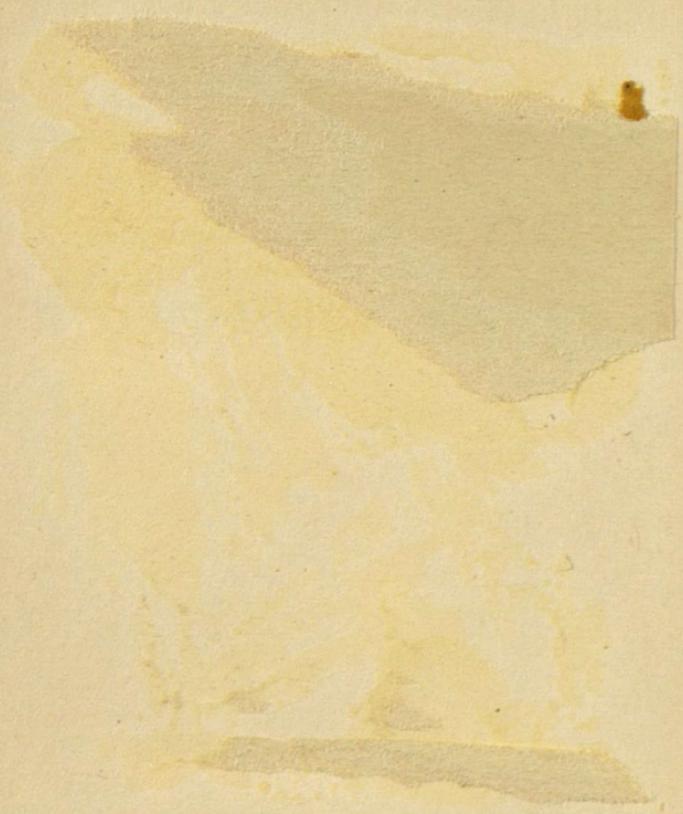
№ 2—Никольская, 12. Тел. 82-33.

Центральный книжный склад:

Б. Дмитровка, 10. Тел. 73-32

3 1 июл 1949

Apr. 1969

100=

